

это теократическое воззрение было только рамкою, в которую внешним образом вкладывалось содержание, состоявшее из произвольно выбранных данных.

Древние классики вошли в круг новых времён, и их примеры зажгли светильники критики, стремление к более благородному изложению истории государств и отдельных эпох. Пред превосходными творениями, которые были плодом нового направления, померкла в[сеобщая] история с ее скудным содержанием и церковью, которой она доселе служила; только в школах, куда ее ввела Реформация, как способ к первоначальному образованию, и в учебниках, с этой целью составленных, продолжала она свое более и более бедное существование.

Форму или нить рассказа составляли со времени Карiona (1531) и Слейдана (1556) четыре всемирные мопархии пророка Даниила как государства, «которых властитель обладал большею и лучшею частью земли, так что другие государи не могли противостоятъ ему»; отсюда, по-видимому, произошло название всемирная история. Нельзя совершенно отрицать пользы такой методы, и лежащая в ее основании мысль о последовательности владычества всемирно-исторических народов, бесспорно, справедлива. Но в сравнении с воззрением средних веков, с которым она главным образом сходится, хотя и жертвует важной идеей, она [метода.—С. А.] является искажением, отрывком схемы, утратившей смысл и значение, которой заслуга заключается только в том, что она служила переходной ступенью к новой форме. Политический дух заступил место церковного; в[семирная] история сделалась историей тех государств, которые по преданию считались главными. Изредка приобщались известия о некоторых новых государствах.

История монархий пришла в упадок во время внутреннего распада четвертой римско-немецкой в[еликой] монархии в 17 веке. Француз Боден (1566) первый подал голос против нее; французам и англичанам, начинателям новой образованности, обязана в[семирная] история преобразованием, которое она испытала в 18 столетии. Сочинители большой английской истории: (Universal history. London, 1736, перевод на немецкий в 1744 г. и доведенная до 66 томов) и Вольтер (в особенности в своем Essai sur les moeurs, 1756) показали пример; немецкие ученые Гаттерер (1761), Шлецер (1772, особенно в своей Vorstellung der Universalhistorie), Ремер (1799), Эйххорн (1791) и другие сообщили в[семирной] истории наукообразную форму, в которой она отчасти, именно в трудах Роттека, перешла в наше столетие. И по содержанию, и по форме (эта новая всемирная история) представляет противоположность с точкой зрения средних веков.

Великим шагом вперед было сознание существующей доселе бедности и ограниченности содержания, необыкновенное расширение исторического кругозора. Век, гордый своей образованностью, жизнь, развивавшаяся во всех направлениях, объявили свои требования от науки (?) при этом свете; большая часть того, чем занимались прежде историки,—это множество царственных имен, дела так называемых героев или опустошителей мира, повести о войнах и убийствах, приправленные детскими анекдотами, явились там бесполезным бременем памяти. Для того чтобы быть поучительной и занимательной, история должна обратить взоры свои преимущественно на интересы народов, на их высшие стремления и положения, на перемены в правах и обычаях, на перемены гражданских учреждений и законов, религии, наук, искусств, ремесел, все, что Шлецер характеристически помещает под рубрикой изобретения. Эта сторона так называемой истории образованности была с тех пор с особенной любовью обрабатываема и при всех вкрапшихся недостатках оказала ученым, шедшим этим путем, именно Вольтеру, бессмертные заслуги.

Вторая перемена была не столь полезна. Выбор четырех мопархий оказался односторонностью: всемирная история не должна иметь предпочтений ни к одному народу; для нее должны быть все равны. Поэтому в нее вошли не только все прочие исторические народы, но многие полагали даже необходимым говорить о варварских племенах. Всем[ирная] история, по их мнению, вследствие самого имени, которое она носит, должна быть историей